

Дело Брейвика и уроки, которые могут извлечь из него психиатры

Ingrid Melle

K.G. Jepsen Centre for Psychosis Research, Institute of Clinical Medicine, University of Oslo and Oslo University Hospital, Nydalen, 0424 Oslo, Norway (Норвегия)

Перевод: Медведев В.Э.
Редактура: Бакунина Н.С.

Днем 22 Июля 2011 года норвежец Андерс Беринг Брейвик в двух терактах убил 77 человек, большинство из которых были детьми и подростками. 24 августа 2012 года он был приговорен к 21 году тюремного заключения. Брейвик прошел через две судебно-психиатрические экспертизы: заключение первой свидетельствовало о наличии у него психического расстройства, освобождая его, таким образом, от юридической ответственности, тогда как вторая экспертиза выявила у него лишь расстройство личности, привлекая его к юридической ответственности за содеянное. В этой статье изложено описание истории жизни Брейвика и его преступлений. Также здесь представлен обзор двух судебно-психиатрических экспертиз, методы их проведения, содержание и возникшие разногласия в ходе экспертиз, рассматривается, как эти вопросы решались судом при вынесении приговора. И, наконец, в статье пойдет речь о некоторых уроках, которые могут быть извлечены психиатрами из этого случая.

Ключевые слова: дело Брейвика, судебная психиатрия, психиатрический диагноз, психиатрия и СМИ.

(World Psychiatry 2013;12:16–21)

22 июля 2011 года в Осло был тихий, серый и влажный день. В эту пятницу в середине норвежских летних отпусков как обычно все офисы закрылись рано, и местные жители покинули город, оставив его туристам. В 15:25 Андерс Беринг Брейвик взорвал изготовленную из удобрения и размещенную в припаркованном в центре правительственного квартала автомобиле 950 килограммовую бомбу, убив восемь человек и девять серьезно ранив. В это время только около 200 человек из обычных 1900 все еще оставались на работе, но небольшое количество пострадавших, чем изначально опасались было лишь временным утешением. Однако, спустя два часа, «посыпались» сообщения о выстрелах в летнем лагере молодежной организации норвежской рабочей партии. Переодевшись в офицера полиции Брейвик приплыл на пароме прямо с места взрыва на небольшой остров Утойя. Практически сразу он начал стрелять по 600 людям, оказавшимся в ловушке на острове и убил 69 человек. 59 из них родились не позже 1990 года. Использование экспансивных пуль привело к тяжелым, обезображивающим ранениям. Выжившие рассказали, что он возвращался к предыдущим жертвам, стреляя в них повторно, и несколько раз убеждал спрятавшихся выйти из укрытия, говоря им, что он полицейский. Также выжившие сообщили, что он время от времени смеялся и кричал во время стрельбы.

Спустя 50 минут Брейвик позвонил в полицию и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Командор Андерс Беринг Брейвик из норвежского антикоммунистического движения сопротивления. Я нахожусь на острове Утойя. Я хочу сдаться». Столкнувшись с последовавшими стандартными вопросами о том, откуда он звонит, он прервал связь и вернулся к стрельбе. Спустя двадцать минут он сдался с поднятыми руками вооруженному отряду полиции. В своем первом допросе на Утойе Брейвик вновь представился как командор Ордена Тамплиеров Норвегии. По его утверждению, эта организация на 2008 год насчитывала от 15 до 80 «рыцарей» по всей Европе, а сам он возглавлял норвежский орден. Кроме того, он рассказал полиции, что его действия в тот день были «частью плана В», и «несчастье

произошедшего было в том, что люди на острове были предателями категории С». Согласно представлениям организации существовало три категории предателей: А, В, С. Он «имел право на убийство предателей категории А и В, но не категории С».

Предьстория

Брейвик родился в Осло в 1979 году. У обоих родителей были дети от предыдущих браков. Они поженились незадолго до его рождения и уехали за границу, где его отец работал в норвежском иностранном ведомстве. Родители развелись в 1980 году, и он рос с матерью и сводной сестрой в Осло. По решению суда он мог видеться с отцом по выходным. Его мать дважды обращалась за помощью в службу по защите детей, потому что она считала его трудным ребенком. В 1983 году Брейвик был обследован в детской психиатрической службе. Ситуацию, в которой воспитывался Брейвик расценили настолько сложной, что из-за высокой вероятности развития более серьезной психопатологии рекомендовали патронатное воспитание. Тем не менее, служба по защите детей решила иначе, и после короткого периода наблюдения в 1984 году они закрыли дело.

Брейвик пошел в школу в богатом районе, где он общался со сверстниками, которые позже описывали его как немного застенчивого, но общительного и послушного ребенка. В подростковом возрасте он был обеспокоен своей внешностью, часто занимался в спорт-зале, использовал анаболические стероидные препараты и в возрасте около 20 лет сделал себе операцию по пластике носа. Хотя Андрес был хорошо интеллектуально развит, он выбыл из средней школы до выпускных экзаменов. Несколько раз он пытался начать свое дело, в том числе продавать поддельные дипломы через интернет. В этот период Брейвик позиционировал себя как успешного бизнесмена, утверждая, что он заработал миллионы, тогда как по оценкам полиции он получил 4,5 миллиона норвежских крон (около 600 000 Евро) за фальшивые дипломы и игру на фондовой бирже.

В 2006 году он был объявлен банкротом и вернулся жить к своей матери. Его друзья заметили изменения в его поведении с этого времени. Он становился все более замкнутым, используя большую часть своего времени для онлайн игры World of Warcraft, прекратил общаться с друзьями, которые опасались, что он страдает от игровой зависимости. В 2009 году он основал сельскохозяйственную компанию и весной 2011 года арендовал ферму в окрестностях Осло, что позволило ему, не привлекая внимания купить большое количество удобрений. Эта информация отличается от предоставленной Брейвиком в документе, размещенном им в интернете 22 июля 2011 года под названием Манифест. По общему мнению большая часть этого 1500 страничного текста состоит из вырезанных фрагментов, заимствованных из таких источников как экстремистские и праворадикальные группировки, а также Карла Маркса, Тони Блэра, Осамы бен Ладана, Джорджа Буша. В дополнение к изложению его крайних взглядов на мультикультурные общества, ислам и марксизм, Брейвик представил здесь отредактированную версию собственного развития. Однако, по другим данным есть большие сомнения по поводу правдивости приведенных им данных. Сомнения касаются самого существования организации Рыцарей Тамплиеров, которая по неоднократным заявлениям Брейвика являлась инициатором его атаки. Другие правоцентристские группировки, якобы причастные к этому инциденту, отрицают любую информацию на этот счет. Также расследование норвежских и других сил полиции не обнаружило никаких признаков существования этой организации.

Психиатрическая экспертиза Брейвика

Текущий уголовный кодекс Норвегии предусматривает максимальное наказание в виде 21 года лишения свободы, без увеличения срока заключения в случае если пострадало несколько жертв. В особо тяжких случаях преступник может быть приговорен к дополнительному сроку содержания под стражей. Преступник признанный «не несущим юридической ответственности» приговаривается к принудительному лечению. Суд обязан определить несет ли обвиняемый юридическую ответственность и назначить, как правило, две экспертизы, чтобы дать психиатрическую оценку его действий. Соответствие результатов установленным требованиям экспертизы оценивается норвежским советом по судебной медицине, который в свою очередь является частью норвежского ведомства по гражданским делам. Результаты экспертизы представляются суду, который принимает решение следовать совету экспертов или нет. До этого момента доклад не подлежит разглашению в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом, и несоблюдение этого требования влечет за собой наказание. Законодательные нормы опираются на правовые традиции, начинающиеся с принятия в 1274 году первого норвежского единого национального кодекса законов, согласно которому преступники с тяжелыми психическими расстройствами не несли юридической ответственности за свои действия и не должны были подвергаться наказанию. Согласно текущему определению невменяемости, принятому в 1929 году и последний раз пересмотренному в 2002 году, человек не несет уголовной ответственности в случаях, если в момент совершения преступления он находился в психотическом, бессознательном состоянии или в состоянии тяжелой умственной отсталости. «Психотическое» здесь определяется просто как «состояние отвечающее критериям текущих диагностических руководств». Таким образом, норвежское законодательство не соответствует строгим правилам МакНайтена (McNaghtenrules), применяемым во многих других странах. В соответствии с этим правилом

человек признается не несущим юридической ответственности в случае имеющегося «расстройства психики, не позволяющего осознать природу и суть совершаемого им действия; или если он осознавал что делает, но не осознавал, что это неправильно» (2).

Первая пара назначенных судом психиатров провела с Брейвиком 13 интервью общей продолжительностью 36 часов, помимо просмотра и прослушивания всех полицейских допросов и интервью с его матерью. Они объединили неструктурированный опрос и структурированные диагностические интервью, включая MINI – Международное Нейропсихиатрическое интервью, структурированное клиническое интервью для DSM-IV Оси I расстройств (SCID-I) и шкалу оценки позитивных и негативных синдромов (PANSS). Первое интервью состоялось 10 августа, в то время когда Брейвик был в полной изоляции. Сначала психиатров просили проводить интервью через стеклянную перегородку из соображений безопасности, но отказались от этой идеи. Соблюдение мер предосторожности при беседе с Брейвиком лицом к лицу отнимало слишком много времени, поэтому оба психиатра присутствовали в течение интервью, даже если рекомендовался индивидуальный опрос.

29 ноября 2011 года психиатры сообщили суду, что Брейвик находился в психотическом состоянии при планировании и осуществлении своих действий, а также в момент проведения экспертизы. Как позже было объяснено в ходе судебного разбирательства этот вывод был основан на ключевых особенностях мышления Брейвика. При опросе он сказал им, что он «прежде всего идеологический лидер организации Рыцарей Тамплиеров, с полномочиями, являющимися одновременно и военным приказом, олицетворять одновременно мученика организации, военный трибунал, судью, присяжных и палача». Он думал, что является пионером в Европейской гражданской войне и сравнивал свою ситуацию с российским царем Николаем и испанской королевой Изабеллой. Он считал, что скорее всего может стать новым регентом в Норвегии после государственного переворота. Он сказал, что решил кто должен жить и кто должен умереть в Норвегии. Эта ответственность воспринималась им как реальная, в то же время являлась тяжким бременем. Он полагал, что значительная часть населения Норвегии (несколько сотен тысяч) поддержали его дела. Если бы он стал новым регентом, то взял бы имя Сигурд Второй Крестоносец (Сигурд Крестоносец – норвежский средневековый король, который вернул земли Португалии из-под мусульманского владычества). Он утверждал, что выделил 5 миллионов норвежских крон на борьбу. Считал, что на него будет возложена ответственность за депортацию нескольких сотен тысяч мусульман в Северную Африку. Полагал, что в Норвегии проводятся регулярные этнические чистки и опасался за свою жизнь. Он думал, что события, частью которых являлся могут привести к третьей атомной мировой войне. Он разрабатывал идеи по улучшению этнического генофонда Норвегии, исчезновению болезней, снижению процента разводов. Он обдумывал организацию резерваций для коренных норвежцев, тестах ДНК и заводах для массового производства детей. Он полагал, что дом Гласбургов (действующий норвежский королевский дом) будет свержен посредством революции в 2020 году. В качестве альтернативы выбору нового регента, который возглавит Рыцарей Тамплиеров, можно было сделать анализ ДНК останков Короля Олава Святого (Короля викингов, кто ввел христианство в Норвегии), чтобы затем выбрать одного человека с наиболее похожим генетическим кодом и сделать его королем.

Психиатры расценили это как грандиозный бред с вычурными и параноидными особенностями, которые выходят далеко за рамки теорий заговора об исламист-

ском захвате Европы. Таким образом, они расценили его состояние как психотическое не потому, что ошибочно истолковали его экстремизм, расизм и праворадикальные взгляды как бредовые, а потому, что полагали, он имел грандиозные бредовые идеи относительно его собственной роли в этой экстремистской вселенной. Хотя его политические взгляды, к сожалению, разделяют и другие, он находился в одиночестве в своем мнении относительно собственной особой роли в упомянутой организации Рыцарей Тамплиеров, или даже во мнении о самом существовании этой организации. Кроме того, Брейвик заявил, о наличии у себя исключительных способностей, например, знания о том, что другие люди, включая его интервьюеров, думают, не до конца объясняя им как ему это удастся.

Оба психиатра восприняли его лексику как высокопарную и техническую, он использовал общие слова в новых контекстах, смешивая с необычными словами, которые принадлежали ему самому, что расценивалось как неологизмы. В остальном не было выявлено признаков грубо нарушенной речи и поведения. Обычно он демонстрировал сдержанность, но иногда выявлялся неадекватный аффект, говоря о своих убийствах, которые он называл «казнь предателей». Он оживлялся когда говорил о своей яростной стрельбе и о своем манифесте. Психиатры расценивали это, как пример эмоционального уплощения с периодами инконгруэнтного аффекта. Никаких внешних признаков депрессии, мании, слуховых галлюцинаций или идей отношения, явлений воздействия или идей, что мысли кем-то вложены выявлено не было. Он принимал анаболические стероидные препараты в течение нескольких периодов вплоть до 22 июля в сочетании с большими дозами эфедрина, кофеина и аспирина. Образцы крови, взятые у него при аресте, выявили все эти вещества в количествах, которые, могли скорее привести к экстазациии, нежели напрямую вызвать психические симптомы. На основании симптоматики Брейвика, в частности, наличия вычурного грандиозного бреда, психиатры заключили, что он страдает параноидной формой шизофрении.

Тем не менее, они должны были ждать более 6 месяцев прежде, чем смогли обосновать свои выводы. Между тем, мнение, что Брейвик не может нести юридическую ответственность за свои действия привело к широкому общественному резонансу (3). Часть людей была недовольна, потому что они чувствовали себя обманутыми из-за такого наказания и беспокоились, что он может получить свободу слишком рано. Многие столкнулись с трудностями понимания концепции, — освобождения от юридической ответственности — задаваясь вопросом, как он мог быть «не виновен»? Благодаря утечке информации от одного из сотрудников, оказывающих помощь жертвам, вскоре общи положения доклада стали доступны на сайтах норвежских газет. что вызвало новую волну обсуждений. Хотя некоторые психиатры видели конфиденциальный доклад и старались его не комментировать до расследования, другие стали анализировать и критиковать выдержки из заключения. Специалисты отмечали, что диагноз шизофрении может быть опровергнут на основе отсутствия патогномических симптомов, в данном случае отсутствия шнайдеровских симптомов шизофрении первого ранга, бреда или слуховых галлюцинаций. Отсутствие у Брейвика выраженных нарушений поведения и его хорошая способность к планированию также были расценены в качестве контраргументов для диагностики шизофрении. (4)

Дискуссия этого случая была связана с широким освещением в СМИ, с многократными просьбами крупных газет и политиков, включая главу парламентского комитета по вопросам правосудия о повторной экспертизе. Не утихал спор вокруг официального отчета

норвежского совета по судебной медицине. Напротив, появился шквал теорий заговора от заявлений о коллегияльном «укрывательстве», до прямых обвинений норвежских властей в заинтересованности сохранения тайны относительно существования в стране правых экстремистов. Тогда как адвокат Брейвика первоначально заявил, что выводы первой экспертизы его не удивляют, самый непреклонный протест пришел от самого Брейвика. Он не хотел «безумия защиты» и не собирался уклоняться от ответственности или избегать судебного разбирательства. Напротив, совершенное им массовой убийство было сделано с явным намерением добиться широкого освещения в СМИ. Подготовка к судебному процессу ознаменовалась для него усилиями быть объявленным виновным, заявив, что он предпочитает смертную казнь принудительному лечению.

В январе 2012 года районный суд Осло назначил вторую пару психиатров для повторной экспертизы. Экспертиза была проведена в конце февраля начале марта, т.е. через 6 месяцев после первой. К этому моменту Брейвика еженедельно консультировала тюремная бригада психиатров. Он больше не был в изоляции и имел доступ к отчету первой психиатрической экспертизы и подробностям его обсуждения. Основная часть новой экспертизы была основана на тех же методах, что и предыдущая, за исключением отдельных бесед с Брейвиком каждого психиатра. Стационарное наблюдение было проведено в тюрьме квалифицированным психиатрическим персоналом.

Как и в первый раз ни психиатры, ни наблюдавший его персонал не заметили каких-либо признаков грубых нарушений поведения или объективных признаков слуховых галлюцинаций. Они также согласились с мнением первой пары психиатров, что перед ними был человек с патологическими идеями грандиозности собственной личности. Основным отличием было то, что Брейвик на этот раз уменьшил важность Рыцарей Тамплиеров, описав себя как «пехотинца», выполняющего свой долг и отметил, что ранее им была преувеличена его собственная роль. Психиатры заявили, что у него «идеи повышенной самооценки, силы и знания, которые могут напоминать, таковые в случае бредового расстройств». «Не в последнюю очередь появляются своеобразные идеи, касающиеся Рыцарей Тамплиеров. Он, однако, рационализировал их и представил как собственные сознательные мысли». Что касается негативных симптомов, то они сосредоточены на его социальной отгороженности, что интерпретировалось как естественное следствие подготовки террористического акта. Вопрос относительно степени равнодушия Брейвика к своим жертвам, а иногда и парадоксальность аффекта, которые могут свидетельствовать об аффективных нарушениях не обсуждался. Исходя из этого, психиатры заключили, что симптомы Брейвика обусловлены тяжелым нарциссическими расстройством личности в сочетании с патологическим фантазированием (патологическая ложь) (6), и что он не находился в психотическом состоянии ни во время проведения экспертиз, ни во время совершения преступления, делая его, таким образом, юридически ответственным за свои действия.

Таким образом, основная разница между этими двумя экспертизами в том, что спустя 9 месяцев после терактов, Брейвик получил больше альтернативных объяснений, относительно его собственной роли в произошедшем, что привело к трактовке его грандиозных утверждений, как менее выраженных нарушений.

Судебное разбирательство и приговор.

Судебное разбирательство проходило с 16 апреля по 22 июня 2012 года в районном суде Осло. Многие телеканалы и газеты использовали «комментарии экспер-

тов», уделяя особое внимание психическому состоянию Брейвика в течении процесса, пытаясь иногда поставить диагноз на основании его поведения в суде. В дополнение к назначенным судом психиатрам, командой защиты Брейвика или в координационными советами по освидетельствованию жертв были призваны другие психиатры и психологи. Это был тюремный психиатр Брейвика и еще несколько наиболее активных в СМИ критиков первой экспертизы. Процесс закончился обвинительным заключением, рекомендуя ограничиться психиатрической помощью и доводами защиты, согласно которым Брейвика следует считать вменяемым, но он должен быть оправдан, т.к. его действия носили характер самообороны.

Вердикт был вынесен 24 августа и, что необычно для первого судебного разбирательства, не был обжалован. Суд признал Брейвика вменяемым и приговорил его к 21 году содержания под стражей с минимальным сроком в 10 лет.

За основу приговора суд взял материалы второй психиатрической экспертизы, а также оценки других профессионалов в области психического здоровья, включая свидетелей, которых вызывал сам Брейвик. Решение суда начинает обсуждаться в контексте возможных диагнозов Брейвика. Дискуссия сфокусировалась на поставленном первой группой психиатров диагнозе шизофрении на основании наличия вычурных бредовых идей. Здесь суд руководствовался определением МКБ-10 («стойкий бред других видов, который является необоснованным культуральными особенностями и совершенно невероятным, например, возможность контролировать погоду, или связываться с пришельцами из других миров»), и ссылался на конкретные характеристики вычурности полученные от второй пары психиатров («бред включающий явления, лежащие за гранью естественных наук»). Таким образом, они приходят к выводу, что абсурдно-грандиозные идеи Брейвика не являются вычурными и по заявлению экспертов в области право-радикальной идеологии, с которыми должны были проводиться консультации до принятия решения, его представления о величии были культурно неправдоподобными. Суд следует за серией разумных альтернативных объяснений, высказываний и поступков Брейвика. Его заявление, что он знал о чем другие люди могли думать, скорее всего, основано на его личном опыте, полученном в качестве продавца по телефону; его социальная отгороженность и подозрительность может быть следствием его террористических планов; его странный выбор слов может быть объяснен увлечением военными онлайн играми или право-радикальными культурными предположениями. Решение суда принимает во внимание эмоциональную уплощенность Брейвика, но утверждает, что его аффективные вспышки такие как плач в суде над его собственным пропагандистским фильмом, свидетельствует против аффективных нарушений, пренебрегая клиническим знанием, что уплощенный и неадекватный аффект не являются взаимоисключающими. Таким образом, суд приходит к выводу, что Брейвик не отвечает критериям для шизофрении (МКБ-10), по-видимому не подзревая, что он по-прежнему подходит под критерии DSM-IV.

На следующем этапе обсуждения бредового расстройства, суд руководствовался результатами второй экспертизы, которая установила, что способность Брейвика к рассуждению, точному формулированию и коррекции собственных высказываний, в сочетании со способностью держать свои планы в секрете, свидетельствует против бредового расстройства. По мнению суда основанием для этого, является то, что человек с идеями психотического характера будет воспринимать происходящее как сильную несправедливость и не сможет поддерживать контроль над собой в течение

интервью. Также, маловероятно, что человек с психотическими нарушениями способен к диссимуляции. Суд находит подтверждение своих выводов о том, что Брейвик не находится в состоянии психоза в докладах его лечащего психиатра и советника по психиатрии начальника тюрьмы, которые оба наблюдали его и расценивали его состояние как проявление расстройства личности с довольно своеобразными грандиозными убеждениями, объясняя их проявления примитивными защитными механизмами. Суд особенно подчеркивает трехнедельный период наблюдения персоналом больницы, в течении которого Брейвика привлекали к незначительным диалогам, приготовлению пищи или игре в собирание пазлов. Однако, наблюдатели никогда не оспаривали грандиозные представления Брейвика о себе или факт существования такой организации как рыцари тамплиеры, они считали эту задачу частью работы полиции.

Детали диагноза нарциссическое расстройство личности, вынесенного второй парой психиатров судом не обсуждались. Однако, их комментарии относительно отсутствия необходимости в оценке по таким критериям DSM-IV как общая продолжительность и степень тяжести состояния, возможно, означает упущение, что расстройство личности не мульти осевой диагноз.

Какой урок психиатры могут извлечь из случая Брейвика?

Дело Брейвика получило значительную международную огласку (7,8), и некоторые его особенности имеют отношение к психиатрам.

Наиболее непонятным аспектом приговора является пренебрежительное отношение к роли Брейвика в формировании впечатлений у других. Показания свидетелей, поддерживающих не психотический характер поведения Брейвика, включающие в себя неоднократные описания его вежливости, внимания, навыков в игре по собиранию пазлов и использованию смеха в качестве «копинг стратегии» достаточно не конкретны. Вместе с разумным объяснением необычного поведения Брейвика приговор передает картину, которая очень трудно соотносится с описанием, полученным при первой экспертизе. Кроме того, картина очень трудно соотносится с описанием выживших об убивающемся убийце молодых людей, вне зависимости от его мотивов, основанных либо на бреде, либо на нарциссическом бешенстве или злости.

Решение суда наглядно иллюстрирует странный эффект Брейвика, присутствующий на всех его экспертизах, включая первую, проявляющийся в создании нежелания исследовать то, что может лежать в основе некоторых из его странных высказываний. Например, на вопрос, были ли у Вас когда-нибудь какие-либо сомнения относительно вменяемости Брейвика, один из свидетелей сказал, что однажды таковые были, когда Брейвик в разговоре предположил, что в будущем человеческий мозг будет напрямую связан с компьютером, обходя, таким образом необходимость в дорогостоящем образовании. Вместо того что бы попросить его пояснить что он имеет ввиду, свидетель заявил что он «быстро сказал себе, что это было не психотическое заявление а скорее видение будущего».

Дело Брейвика свидетельствует о важности контекста в котором проводится психиатрическая экспертиза. На самом деле суд интерпретировал диагностические разногласия, в частности, относительно наличия вычурного бреда, как «различные толкования подобных наблюдений», игнорируя разницу во времени между двумя наблюдениями и различные ситуации, в которых они имели место быть. Также подчеркивается, что источником путаницы, могут являться некоторые тонкие, но значимые различия в МКБ-10 и DSM-IV, а

также тот факт, что МКБ-10 часто принимается за диагностическую систему, а структурированное клиническое интервью (SCID), основанное на DSM-IV используется для диагностических оценок. Кроме того, подчеркивается, что диагностические критерии не должны рассматриваться как законодательные нормы, а должны использоваться в качестве практических определений, предназначенных для выявления центральных симптомов и синдромов болезни и, что их использование требует знаний о болезни и понимания лежащих в их основе клинических явлений (9).

Важный урок из дела Брейвика состоит в том, что сложности судебной экспертизы должны показать профессионалам как важно быть осторожными, когда они выражают свою позицию публично. В данном случае диагностические разногласия были на первых полосах новостных лент. Этот конфликт является дополнительным поводом для СМИ, активно поддерживаемых людьми или организациями с антипсихиатрическими взглядами, заявить о неудачах психиатрии. Тем не менее, социальный опрос показал, что случай Брейвика не изменил отношения к норвежской судебной психиатрии, возможно, отражая их понимание сложностей в судебной экспертизе. Вопрос, занимавший умы большинства людей, не касался особенностей диагностики, а звучал как «действительно ли не наступает юридической ответственности если у человека есть психическое расстройство». Этот вопрос является лишь малой частью основной дилеммы, занимающей умы многих юристов, философов и психиатров в течение длительного времени, и здесь нет простых решений. Оценка того, что происходит в мыслях человека во время совершения преступления будет, несмотря на технические инновации, в конечном счете полагаться на личные суждения и интерпретации.

Психиатрам, вовлеченным в громкие дела следует ожидать значительного общественного резонанса и давления со стороны СМИ. Все психиатры, участвовавшие в деле Брейвика были в различной степени охвачены СМИ, начиная от круглосуточных телефонных звонков, когда журналисты связывались с членами их семей, заканчивая присутствием на закрытых заседаниях. Несколько крупных норвежских газет и государственных норвежской телерадиокомпаний были настроены крайне критично к содержанию и принятию первого заключения экспертов, тех, кто нес ответственность подвергали жесткой критике, в том числе обвиняя в некомпетентности, предвзятости и паранойе. Однако, несмотря на заявления, сделанные в СМИ норвежские психиатры не были единогласно критически настроены в отношении результатов первой экспертизы. Исходя из количества специалистов, отказавшихся от комментариев относительно результатов досудебного разбирательства очевидно, что многие были ограничены вопросами конфиденциальности. Также, хотя большая часть критики приходила от людей, которые активно не занимались вопросами лечения или исследованиями психических расстройств, основная поддержка результатов первой экспертизы была от специалистов, работающих с острыми психотическими расстройствами, знакомых с трудностями в оценке пациентов, отказывающихся от сотрудничества, разнообразием и нестойкостью кли-

нических проявлений. Особенно исследователи, знакомые с использованием обоих диагностических руководств и МКБ-10 и DSM-IV, были весьма удивлены большим упором на МКБ-10 при описании результатов, тогда как в качестве основного диагностического инструмента использовалось структурированное клиническое интервью (SCID).

Другим важным уроком из случая Брейвика является то, что психиатрам участвующим в публичных дебатах о психических расстройствах следует помнить, что эти разговоры приведут к значительному интересу среди лиц с подобными нарушениями. Одним из наиболее проблематичных аспектов дела Брейвика является понимание шизофрении, транслируемое участвующими специалистами. Например, заявление, что Брейвик не может быть в состоянии психоза, потому что он не имеет нарушений поведения, отражает мнение психиатров, что шизофрения всегда будет заметна по поведению человека. Еще большей провокацией для хорошо адаптированных лиц с этим расстройством, работающих на высококвалифицированных работах является неоднократные заявления профессионалов относительно отсутствия у Брейвика шизофрении, так как он демонстрирует хорошие когнитивные способности.

Действия Брейвика оказали существенное влияние на норвежское общество. Лагерь был местом встречи для молодежи из всех уголков страны, и каждый знает кого-то, кто пострадал от этих событий. Таким образом, все норвежцы рады, что дело не было обжаловано, и пострадавшие были избавлены от еще одного раунда разбирательств с Брейвиком, изображенным на всех досках объявлений, давая ему еще больше публичности, которой он жаждал. Тем не менее, за этим делом несомненно последует частичный пересмотр норвежского уголовного кодекса. Мы будем надеяться, что те, кому предстоит этим заниматься будут помнить, что «громкие дела, подобно сложным делам создают плохие законы».

Библиография

1. Grondahl P. Scandinavian forensic psychiatric practices — an overview and evaluation. *Nordic J Psychiatry* 2005;59:92-102.
2. Syse A. Punishment, treatment and fair retribution. *TidsskrNorLaegeforen* 2012;132:841-3.
3. BBC News Europe. Anders Behring Breivik trial: day by day. www.bbc.co.uk.
4. Spiegel Online International. Experts disagree on psychological state of Norwegian killer. www.spiegel.de.
5. BBC News World. Norway massacre: Breivik declared insane. www.bbc.co.uk.
6. Newmark N, Adityanjee KJ. Pseudologiafantastica and factitious disorder: review of the literature and a case report. *ComprPsychiatry* 1999;40:89-95.
7. Wessely S. Anders Breivik, the public, and psychiatry. *Lancet* 2012;379:1563-4.
8. Lockey DJ. The shootings in Oslo and Utoya island July 22, 2011: lessons for the International EMS community. *Scand J TraumaResuscEmergMed* 2012;20:4.
9. Nordgaard J, Revsbech R, Sæbye D et al. Assessing the diagnostic validity of a structured psychiatric interview in a first-admission hospital sample. *WorldPsychiatry* 2012;11:181-5.